

3. Ushakova T.N., Pavlova N.D., Zachesova I.A. Speech of Human Being in Communication. / Ed. by Shadrikov V.D., Institute of Psychology, Academy of Sciences. – M.: Nauka, 1989. – 191 p.

4. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. – SPb.: Nauka, 2000. – 380 p.

Сведения об авторе

Болдонова Ирина Сергеевна - кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой зарубежной литературы филологического факультета БГУ, e-mail: irina_duncan@mail.ru.

Data on author

Boldonova Irina Sergeevna - candidate of philosophical sciences, associate professor, head of department of foreign literature of philological faculty, Buryat State University, e-mail: irina_duncan@mail.ru.

УДК 1(091)

ББК 87.3(2)1

Д.Н. Тананушко

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФЕМ НА ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Статья посвящена общему анализу философем Древней Руси домонгольского периода в процессе пересечения с политико-культурным текстом в целях выявления их воздействия на него. Исследование древнерусского философствования позволяет понять особенности развития отечественной культуры в целом, а также философского знания и политико-культурного текста в частности. «Деятельный» (в нравственном, а не утилитарно-практическом смысле) характер восточно-христианской философии во многом определил нетеоретическую ориентированность мыслителей Древней Руси на злободневные, острополитические проблемы в обществе.

Ключевые слова: Древняя Русь, философемы, восточно-христианская философия, политико-культурный текст, книжность, правда.

D.N. Tananushko

THE INFLUENCE OF PHILOSOPHEMES ON THE POLITICAL-CULTURAL TEXT IN ANCIENT RUSSIA

The article is devoted to the general analysis of philosophemes in Ancient Russia of the pre-Mongolian period in the process of their interaction with a political-cultural text aiming to find out their influence on it. The research of ancient Russian philosophy allows to understand the peculiarities of national culture development in general and partly philosophical knowledge and the political and cultural text as well. "Active" (in a moral but not utilitarian and practical meaning) character of eastern Christian philosophy defined non-theoretical orientation of thinkers in Ancient Russia towards vital political problems in the society.

Key words: Ancient Russia, philosophemes, eastern Christian philosophy, political-cultural text, booklore, the truth.

Древнерусская философская мысль домонгольского периода во многом определила сущность изменений идейного климата и политико-культурного текста Руси. На наш взгляд, в данном случае нет необходимости описывать подробности взаимодействия разных областей культуры (философии, религии, политики и т.д.). Стоит лишь акцентировать внимание на значимой роли мировоззренческих основ политико-культурного текста, которые в Древней Руси формировались под влиянием восточно-христианских философем. Прежде чем перейти к обоснованию заявленного тезиса, необходимо сделать ряд вводных замечаний по поводу особенностей зарождения философского знания в ту историческую эпоху, а также определить понятие «политико-культурный текст».

Философские идеи являются неотъемлемой частью культуры Древней Руси в целом. Несмотря на их несистематичность, вызревал своеобразный способ философствования в рамках формирующе-

гося русского православного богословия и светской мысли. Связующим звеном между религиозным и философским осмыслением действительности было мировоззрение, определяющее своеобразный культурный фон того времени. Поэтому многие исследователи под древнерусской философией скорее всего подразумевают мировоззрение. О наличии на Руси философии в классическом понимании даже в рамках теологии как рациональной формы религиозного мироосмысления, безусловно, говорить не приходится. В этом вопросе мы разделяем точку зрения многих известных отечественных философов, согласно которой, вплоть до XVIII века был и предфилософский (Г.Г. Плетт, В.В. Зеньковский и др.), и предбогословский (Г.Флоровский) периоды в истории русской философии. Но такая мысленная нераскрытость древнерусского духа [13] не отвергает философских исканий, хотя они и отличаются по своему характеру от западноевропейских. Мыслителей домонгольской Руси, так же как их европей-

ских современников, интересовали проблемы бытия Бога, человека, общества, закономерностей исторического развития, становления политики и государства, но осмысление этих вопросов было достаточно самобытным.

Для выявления философского содержания древнерусской мысли мы обратились к понятию «философемы», описанному Г. Гегелем в «Лекциях по истории философии». Философемы – это всеобщие мысли, имплицитно содержащиеся в религии и мифах, которые необходимо обнаруживать [1]. Именно такая форма присутствовала в философской культуре Древней Руси. Древнерусские философемы создавались в рамках дуалистического мировоззрения, которое включало христианское и языческое направления. Внутри христианского направления также существовали противоположные тенденции – профилософская и антифилософская. Но именно крещение Руси стало важнейшим фактором генезиса философской мысли на данном этапе исторического развития. В целом так определяется взаимоотношение философии и религии в рамках древнерусской культуры.

Политико-культурный текст можно определить, следуя семиотической традиции, рассматривающей культуру в целом как символическую систему, наполненную множеством смысловых интерпретаций реальности. В связи с этим он также представляет собой систему связанных, согласованных друг с другом знаков и символов политической сферы. Политико-культурный текст – это не сама политическая реальность, а ее интерпретация. Будучи культурным явлением, он направлен на определенный результат, отражает стремление человека гармонизировать, упорядочить, осмыслить жизнь. Если текст как таковой (в том числе философский) возникает на этапе демифологизации и дециклизации культуры, то политико-культурный текст формируется в процессе становления политической организации, выделения политической власти. Несмотря на исчезновение материальных носителей (например, книг, рукописей, законов, гимнов и т.д.), политико-культурный текст продолжает существовать в сознании членов той или иной политической общности, обладая определенным значением для нее. Можно определить его функции на основе рассуждений А.Я. Флиера о культурном тексте в целом: фиксация, сохранение и трансляция требуемой культурной информации в устном, письменном и вербальном виде [12].

Итак, учитывая обозначенные методологические допущения, необходимо представить основные аспекты влияния философем на политико-культурный текст в Древней Руси.

При обращении к домонгольскому периоду мы обнаруживаем, что главным элементом философско-мировоззренческой рефлексии, носителем и творцом новых политико-культурных смыслов стала книжность – гипертекст культуры того вре-

мени. Но вместе с тем, по словам В.С. Горского, не всякий книжник на Руси достоин звания философа, а вот философ теоретического склада обязательно книжник [2]. В древнерусском представлении философ – это человек не только книжно-образованный, но и особо мудрый, способный рассуждать, полемизировать и т.д. [11]. В рамках такой литературной полемики проявлялись мировоззренческие, политические, историософские и другие идеи.

Само понятие «философия» в древнерусской книжности встречается в «Житии Кирилла Константинопольского». Философия, как говорит Кирилл, – это «божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его» [4, 27]. Данное определение поясняет, что такое философия, для чего она нужна и каким образом необходимо изучать ее предмет. Ответы, данные Кириллом на эти три вопроса, объясняют онтологический и телеологический [2], а также гносеологический статус философии. Это выражается в следующем. Во-первых, философия нацелена на «разумение» предельных оснований человеческого и небесного миров. Во-вторых, истинная мудрость заключается в обожении человека, и философия – это лишь средство на пути человека к Богу. Анализируя онтологический смысл мудрости в «Изборнике 1073 года», В.С. Горский делает вывод: «Мир мудрости, мир Софии – это мир «пре-подобия», уподобленности низшего высшему. ...Мудрость – это ...прежде всего «жизнь в истине». Она не только слово, но и дело» [2, 80]. В-третьих, необходимо обратить внимание на употребление в приведенном выше переводе «Жития...» слова «понимание», а не «познание», так как это подчеркивает характер древнерусской гносеологии. Указанные особенности отражают деятельную сущность восточно-христианской философии, в которой переведены «акценты из области спекулятивной мысли в область практического делания» [7, 29], связанного с нравственным совершенствованием человека. Принцип «деятельной» философии, «жизни в истине» влечет за собой высокие нравственные требования к содержанию политической жизни. Несмотря на признание существования человеческого (низшего) и божественного (высшего) миров, греховной природы человека, в древнерусской литературе отношение к политической сфере весьма благожелательное. Концентрируется такая симпатия в представлениях о политической власти в лице киевского князя. Во многом это объясняется его ролью в приближении русского народа к истинной жизни во Христе.

Идея единения должного и сущего органично сопрягалась с языческим климатом Руси, мифологичность которого подразумевает синкретизм мира. В древнерусской книжности этот принцип воплотился на другом уровне – уровне рефлексии

рующего сознания. Языческая культура восточных славян не была знакома с античной образованностью, их мифология отличалась от развитой мифологии Рима, а также от эпической культуры варварских племен Западной Европы: «Если в Римской и Византийской империях христианская книжная культура в процессе своего естественного рождения наследовала богатую философскую и литературную традицию античности, то распространение христианской веры среди варваров Западной Европы ложилось на собственную мифологическую традицию, в которой к тому времени уже оформились и пантеон богов, и ряд культурных героев» [5, 42]. В дохристианской Руси мы не находим каких-либо зачатков рефлексии, выраженной хотя бы в сложившейся эпической традиции. Русин-язычник живет в мифе, описывает окружающий мир, но не осмысливает его. Отсюда, на наш взгляд, и значимость житейской мудрости, смысленности (практической сметки), идея неразрывности идеального и реального, которая после принятия христианства из славяно-языческого культурного поля своеобразно вошла в пространство древнерусского философствования.

Тесно связаны с деятельным, поучительным характером философом особенности гносеологии. Хотя стоит напомнить, что в данном случае мы подразумеваем не теорию познания, а ее предпосылки в Древней Руси. Древнерусскими мыслителями была воспринята византийская традиция иррационализма, согласно которой, истина, заключающаяся в боге - Иисусе Христе, не может быть достигнута рациональным способом, а только лишь мистическим путем откровения. Несмотря на то, что в Византии присутствовали противоположные точки зрения на взаимоотношения мистики и разума, богословия и философии, именно указанный подход к познанию оказал решающее влияние на становление философской мысли в Древней Руси. Также немаловажным в усвоении гносеологических принципов христианской философии является посредничество Болгарии, где в «методологии», по мнению В.Ф. Пустарнакова, возобладал принцип откровения и понимания истины, заключенной в боговдохновенных книгах [9].

Если обратиться к оригинальной древнерусской литературе, то в произведениях Илариона Киевского, Владимира Мономаха, Даниила Заточника мы можем найти представления о разуме как сущностной характеристике человека. Причем эти представления в основном концентрируются на княжеской персоне, а также на крупных религиозных деятелях. Значимость личного откровения, интуиции проявляется в политическом решении о принятии христианской религии. В «Слове о законе и благодати» Иларион восхваляет пришедшего к Христу князя Владимира, который «...не видел ... лишь благомыслием и острым умом постигнув, что есть единый Бог, творец...» [10, 47]. Эмпири-

ческая составляющая познавательной деятельности отсутствует; сила благого разума составляет путь к истинному Богу. Но этот разум все же не теоретического порядка; «острый ум» - понятие практическое, близкое житейской мудрости. А главное, что в открытой истине Владимир «...не довольствовался только слышанием, но на деле исполнил сказанное...» [10, 49]. Сочетание «острого ума» и «благой мысли» представлено как символ властвующей персоны в политико-культурном тексте. Формируется идея проявления в монархе божественного замысла, человеческого разума и нравственных ценностей.

В смысловом ансамбле с нравственно-ориентированным философствованием находится кардиогнозия [3]. Средоточием истинного познания становится «сердце» - «И воссиял в сердце его (князя Владимира - прим. авт.) свет ведения...» [10, 45]. По словам Е.А. Овчинниковой и Т.В. Чумаковой: «Категория сердца выполняет интегрирующую, объединяющую функцию в древнерусской философии, для которой, как и для восточно-христианской мысли в целом, было характерно единство «делания» и «созерцания», основанное на глубокой имманентной взаимосвязи ученой и простой житейской мудрости» [7, 32].

Вышеназванные особенности философом обуславливают преобладание в книжности Древней Руси нравственно-поучительных произведений. Но для этого была и идейно-политическая причина. Она заключалась в необходимости утверждения христианства в языческой Руси, причем это связано непосредственно со сферой властных отношений. Книга как источник мудрости распространялась по княжескому велению, заслуга в укреплении книжности и христианской веры, с точки зрения древнерусских мыслителей, принадлежит киевскому князю. «...посеял книжные слова в сердца верующих людей...» [8, 195] - так говорится в «Повести временных лет» о Ярославе Мудром, продолжателе князя Владимира в деле христианизации Руси. Таким образом, нравственно- и жизнеориентированный характер восточно-христианского мировоззрения отразился на формировании в древнерусском культурном пространстве традиции «просвещенного» властвования.

Указанные сущностные характеристики древнерусских философов (деятельность, единство знания и житейской мудрости, нравственная заостренность всей проблематики) обосновали появление особой смысловой ценности в отечественной культуре - правды. Помимо этого она представляет собой нравственный, политико-правовой, социальный символ в отечественном политико-культурном тексте.

Правда - это должное в сущем, выражение божественной истины в человеческой реальности. В общественной жизни она является и в судебных установлениях, и в уставах земли (законах госу-

дарства), и в ежедневной жизни христианского народа, живущего по правде. Ее божественная сущность – выражение истины Христа – задает высокий уровень требований к политическому и правовому воплощению. Древнерусские мыслители видели идеальное общество построенным на основе правды – ценностно-регулирующего начала. Но в данном случае невозможно провести аналогию с правом – явлением западной культуры. Онтологический статус правды не предполагает рационального механизма регулирования отношений и индивида как основного субъекта права, что, наоборот, характерно для Западной Европы. В восточно-христианской мистике личное откровение подразумевает личность не как самостоятельный субъект, а лишь в единстве с Церковью. Известный философ, богослов В.Н. Лосский писал об особенностях православия так: «Вне истины, хранимой Церковью, личный опыт был бы лишен всякой достоверности, всякой объективности...» [6, 9]. Древнерусские книжники в вопросах взаимоотношения власти и общества также усматривали иррациональное начало, связанное с внутренним мистическим единством, пониманием и сердечным принятием. Правда – главнейший онтологический принцип христианского правления. Образ князя представляет собой единение «благоверия» и власти: первое является условием легитимности второго. Правитель должен любить Бога (Иларион называет Владимира «христолюбцем»), и, как следствие, он – «друже правде, вместилище разума, средоточие милости» [10, 47]. Народ интуитивно чувствует такое высокое предназначение «единодержавной» власти и поэтому смиренно принимает ее. Идея единения государственности и правды является важнейшей тенденцией в политико-культурном тексте домонгольского периода.

Итак, необходимо резюмировать, что «деятельный» (в нравственно, а не утилитарно-практическом смысле) характер восточно-христианской философской мысли определил не теоретическую ориентированность мыслителей Древней Руси на злободневные проблемы в обществе. Безусловно, области культуры находятся в сложной взаимосвязи друг с другом, и формирование политико-культурных явлений – многофакторный процесс. В данном случае был представлен лишь отдельный аспект этого, а именно воздействие философско-мировоззренческих принципов восточного христианства на политико-культурный текст, манифестированное в древнерусской книжности.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. – СПб.: Наука, 1999. – Кн. 1. – 352 с.
2. Горский В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII вв. – Киев: Наукова думка, 1988. – 215 с.
3. Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. – СПб.: РХГИ, 2001. – 960 с.

4. Житие Кирилла-Константина // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI-XII века / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева и др. СПб.: Наука, 1999. – С. 22 – 65.

5. Киселева М.С. Книжность и феномен «двоеверия» в культуре Древней Руси // Verbum, 2000. – Вып. 3. – С. 40-50.

6. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной церкви: Догматическое богословие. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 287 с.

7. Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В. Моральная философия в России: становление основных понятий (XI – XVII вв.) // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 1996. Вып. 3. С. 28 – 34.

8. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. XI-XII века / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева и др. – СПб.: Наука, 1997. С. 62-315.

9. Пустарнаков В.Ф. Философская мысль в Древней Руси. – М.: Круг, 2005. – 365 с.

10. Слово о Законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. XI-XII века / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева и др. СПб.: Наука, 1997. С. 26-61.

11. Тихомиров М.Н. Русская культура XI – XVIII ввек. – М.: Наука, 1968. – 447 с.

12. Флиер А.Я. Историческая динамика культуры // Философские науки. № 3. 2000. С. 167 – 173.

13. Флоровский Г. Пути русского богословия. Изд. 2-е, исправ. и доп. Интернет-версия под общей ред. Его Превосвященства Александра (Милеанта), Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского. 2003. URL : <http://www.vehi.net/florovsky/puti/index.html>.

Literature

1. Gegel G.V.F. Lectures on the History of Philosophy. – Spb.: Nauka, 1999. – Book 1. – 352 p.

2. Gorsky V.S. Philosophical Ideas in the Culture of Kiev Russia of the 11th-the beginning of the 12th centuries. – Kiev: Naukova dumka, 1998. – 215 p.

3. Gromov M.N. Ideological tendencies of ancient Russian thought. – Spb.: RHHI, 2001. – 960 p.

4. Biography of Cyril-Constantin // Library of Ancient Russia Culture. Book 2. 11th-12th centuries / ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev and others. Spb.: Nauka, 1999. P. 22-65.

5. Kiseleva M.S. Booklore and the phenomenon of “dual belief” in Ancient Russian Culture // Verbum. 2000. – Ed. 3. – P. 40-50.

6. Lossky V.N. Mystical Theology Studies of Eastern Church: Dogmatic Theology. – M.: Centr “SEI”, 1991. – 287 p.

7. Ovchinnikova E.A., Chumakova T.V. Moral Philosophy in Russia: formation of basic notions (11th-12th centuries) // Vestnik SPbGU. Ser. 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations. 1996. – Ed. 3. – P. 28-34.

8. Story of Temporal Years // Library of Ancient Russia Culture. Book 1. 11th-12th centuries / ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev and others. – Spb.: Nauka, 1997. – P. 62-315.

9. Pustarnakov V.F. Philosophical Idea in Ancient Russia. – M.: Krug, 2005. – 365 p.

10. Word of Law and Grace by Ilarion, the Metropolitan Kievsky // Library of Ancient Russia Culture. Book 1. 11th-12th centuries / ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev and others. – Spb.: Nauka, 1997. – P. 26-61.

11. Tichomirov M.N. Russian Culture of the 11th-18th centuries. – M.: Nauka, 1968. – 447 p.

12. Flier A.Ya. Historical Dynamics of Culture // Philosophy Sciences. – № 3. – 2000. P. 167-173.

13. Florovsky G. Ways of Russian Theology: 2nd ed., corr. and suppl. internet version / ed. by His Grace Alexander (Mileant), Bishop of Buenos Aires and South America. 2003. URL : <http://www.vehi.net/florovsky/puti/index.html>.

Сведения об авторе

Тананушко Диана Николаевна - ассистент кафедры политологии факультета политических наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул, e-mail: di.ana@mail.ru.

Data on author

Tananushko Diana Nikolaevna - assistant of political science department, faculty of political sciences, Altai State University, Barnaul, e-mail: di.ana@mail.ru.